

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №23 ГАЗЕТА

Страна со старой карты...

95
1927-2022

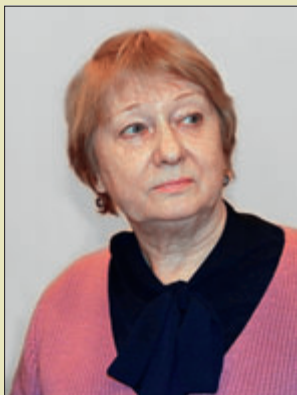

Ирина РОДИОНОВА

Родилась в Новотроицке Оренбургской области, педагог-психолог по образованию. В 2018 году на Всероссийском семинаре-совещании «Мы выросли в России» была признана лучшим молодым фантастом, в 2019 году — лучшим прозаиком. По результатам семинаров вышли сборники рассказов «Мариуш» и «Жажда». Лауреат литературной премии Справедливой России «За правду».

Автор книги «Поросль».

Публиковалась в литературных журналах «Роман-газета», «Звезда», «Аврора», «Бельские просторы», «Гостиный дворъ», «Александръ», «Веретено», «Рассказы», «Лед и пламень», а также в сборниках рассказов.

Людмила ПОПОВА

Член Академии российской литературы, Союза российских писателей, редколлегии международного журнала «Новые витражи».

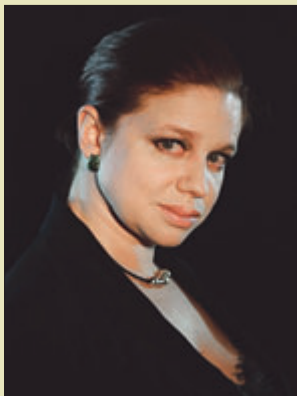
Сотрудник Минвнешторга и МИД России.

Автор семи книг.

Печатались в «Московском Парнасе», альманахе «Ковчег», «Роман газете».

Дипломант международного конкурса «Созвездие духовности» (2017, 2019).

Живёт в Москве.

Анастасия РОГОВА

Писатель, сценарист, член Союза российских писателей.

Окончила Литературный институт им. А. М. Горького, публиковалась в журналах «День и Ночь», «Бельские просторы», «Юность» и других.

Лауреат международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман».

Живет в Подмосковье.

Екатерина РОЩИНА

Родилась и живет в Москве. Окончила Московскую Академию печати, работала редактором, журналистом. Колумнистка. Более двадцати лет составляет и редактирует журнал «Детская Роман-газета». Член Московского Союза журналистов.

Автор сборника рассказов и повестей «Щучья@ ксень», «Возвращаясь по первому снегу», «Гештальт» и др.

Сотрудничает с газетой «Вечерняя Москва». Опубликованные в этом журнале рассказы были написаны для рубрики «Новелла» еженедельника «Вечерняя Москва» и именно там впервые напечатаны.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права

на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2022

Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные
индексы издания:

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №23 /1916/ Основана в 1927 г.

Страна со старой карты

Женская проза России

Ирина Родионова

Иваныч, Мотя и Галчонок

— Ненавижу тебя! — рявкнула Матильда. — Чтоб ты сдох поскорее.

Иваныч печально вздохнул и чуть развел руками. Почудилось, что на миг мелькнуло раскаяние — водянистые глаза его широко распахнулись и озарились мыслью, пониманием. Матильда, или Мотя по-домашнему, застыла с мокрой простыней в руках, боясь пошевелиться. Наклонилась и медленно, очень медленно выдохнула ему в лицо:

— Иваныч, ты тут?

Мысль растворилась в булавочных зрачках. Иваныч закричал и распахнул рот, пусто скользнул взглядом по отслаивающимся обоям.

— Вот черт старый! — Мотя зашвырнула простыню в дальний угол, где покоилась умирающая стиралка, и вытерла лоб. — Опять все простынки... Лежи, сказала, сейчас памперс принесу!

Каждое Мотиное утро начиналось с этого ритуала: в низенькие окна, путаясь в голых карагачевых ветвях, били солнечные лучи, заползали на глаза, на щеки, но Матильда не желала просыпаться. Кричал справа от нее Иваныч, постанывал едва слышно, дышал с присвистом. «Мотя... Моть... Мо-о-отя...»

— Дай поспать, — она заползала под подушку.

Тонкая цыплячья кисть падала на плечо, постукивала требовательно и недовольно: «Мотя... Моть!»

— Чтоб тебя леший побрал!

Мотя поднималась. Один взгляд, полный ненависти, она посылала негреющему октябрьскому солнцу, второй — любимому мужу, прикованному к кровати. И дальше все шло как по накатанной: включить электрический чайник в розетку, достать безвкусную овсянку с одним лишь запахом клубники, протереть стол и открыть новую пачку подгузников. Иваныч умолкал, выгибался на скрипучем диване и, запрокинув голову, смотрел на солнце.

— Сколько ж можно? — Мотя знала, что пока не пробурчится от души, утро в этой комнате не наступит. — Ну хочешь ты в туалет, ну позови меня, ну скажи ты словами, нет, надо напрудить здоровую лужу и лежать довольным! Что ты за человек такой, а? Весь диван провонял, вся комната...

В гулком общажном коридоре оживали люди: включали музыку, топтались по вздыбленному линолеуму и зевали не таясь. Мотя бухтела себе под нос, зная, что

толку от этого все равно не будет. Перевернув мужа, как сухое тяжелое бревно, Мотя бросила на диван махровое полотенце и застелила сверху простыней, а потом еще и наспех обтерла Иваныча мокрой губкой. Купание у них будет вечером — даст бог, и сосед Галчонок поможет донести костлявое тело до душевой в дальнем конце коридора. Там наверняка грязнца, как на свалке, но только бы лейку не разломали опять...

Засвистел электрический чайник.

— И будь проклято общежитие это, — добавила Мотя и, окончательно успокоившись, пошла наливать чай.

Заварила шиповника — раньше по осени Иваныч бродил по хилым осинникам и березовым лесочкам, которые заплатками зеленели среди выгоревших степей. Он собирал ягоды и сушил их, покрывая красно-бордовыми коврами подоконники. Мотя, конечно, бурчала, куда ж ей не бурчать, но...

Но теперь Иваныч не встает, и некому ползти по кочкам и радостно выкрикивать:

— Мотья, я калину нашел!

— Кислятина, да еще и горькая.

— Зато чай, какой чай потом будет...

Вернувшись из леса, они находили в волосах мелких коричневых клещей, осматривали друг друга. Потом садились перебирать ягоды, а под конец дня Иваныч выщипывал Мотины шерстяные носки от сухого ковыля. Целовал ее то в висок, то в глаза, и она жмурилась от удовольствия.

Казалось, будто это было в какой-то другой жизни.

Теперь Мотя покупала молотый шиповник в аптеке и заваривала для Иваныча по утрам. Плеснула полкружки кипятка, запарила овсянку и полезла с посудой в руках на диван.

— Завтракать хочешь? — спросила почти угрожающе.

— Хочу, — промычал Иваныч.

— Открывай рот пошире.

Быстро орудуя чайной ложкой, Мотя запихнула в Иваныча кашу и вытерла дрожащий подбородок. Иваныч окаменел, он жевал еле-еле, и каша пыталась вытечь у него изо рта, но Мотя всегда оказывалась проворней. Сжимая челюсти, она скомандовала:

— Жуй! Жуй, сказала. Мне на работу еще, а ты все никак не угомонишься.

Запили шиповником, Иваныч икнул и съезжился, глаза его затуманились сном. Мотя слезла с дивана и поспешила к завтраку. Клекая каша остыла и липла к языку, Мотя морщилась от холода: единственную батарею она занавесила мокрой простыней, и тепла в их комнатухе стало еще меньше.

Робкий стук оборвал ее мысли, и Мотя ринулась открывать. Распахнула дверь, выпучила глаза:

— Чего ты стучишь, придурочный?! Только задремал... Приглашение тебе надо, да?

— Матильда Степановна, — широко улыбнулся Галчонок. — Ну, я ж не специально.

— Заходи быстро! Опять все окна расхибарили, сквозняк, простыть еще не хватало.

Галчонок, или Денис Ильич Галкин, проворно закрыл за собой дверь. Остроплечий и худой, с добродушным глуповатым лицом, Галчонок нравился Моте больше остальных обитателей общаги. Лет ему было от тридцати до пятидесяти, Мотя плохо в этом разбиралась, тем более что брился Галчонок исключительно по праздникам, а зимой и летом ходил в спортивных штанах и ярко-красной футболке с въевшимися пятнами. А вот кроссовки у него всегда были новые: то кипенно-белые до первого дождя, то стоптанные оранжево-зеленые, подобранные на местной помойке, то черные с блеском... Галчонок подкармливал голубей, и они, курлыкая, стайками ждали его на подоконнике, а Мотя распахивала окно и вопила:

— А ну кыш отсюда, черти сизые! Всё вокруг обосрали, все!

— Не ругайтесь, Матильда Степановна, — кричал в форточку Галчонок. — Вот такие они, с червоточиной. А из нас кто лучше-то?..

Да, пусть Галчонок и был хроническим алкоголиком, но это ничуть его не портило. Выпив, он становился улыбчивым и смирным, без остановки болтал какую-то чушь, поглядывал смущенно и тянулся к природе. Выглянешь июльским утром во двор, а там Галчонок — лежит у тополя, липкий от последнего пуха, и посапывает с умиротворенным лицом.

Откуда он взялся в общаге, чем жил и где брал деньги, Моте было неизвестно. Он вообще мало о себе рассказывал, на все вопросы морщился или отмахивался, как от мух. Ни родителей, ни семьи, ни вида приличного — вечно под хмельком, но вечно рядом.

Теперь он терся на пороге их с Иванычем комнаты.

— Фу, — поморщилась Матильда, натягивая свитер. — Провонял весь... С утра глаза залил, да?

— Ну, Матильда Степановна. — Галчонок улыбнулся. — Зато будет вам дез... дез-ин-фек-ция! Во.

Он был таким довольным, что на него невозможно было долго ругаться. Подхватив сумку, Мотя пригладила короткие волосы и скомандовала на всякий случай:

— Подгузники часто не меняй, скоро по миру с ними пойдем. Покормишь овсянкой, пакетик вот. Если что — звони в «скорую». Я попытаюсь побыстрей.

— Работайте, не волнуйтесь. — Галчонок, с трудом протиснувшись мимо разложенного дивана, упал в кресло и шелкнул пультом. На экране телевизора вспыхнула мутная, прерываемая черно-белыми помехами драка. — И это, Матильда Степановна, в магазине бы...

— Алкоголик! — отбрила она и, не слушая, убежала в коридор.

И на одной этой кипучей злобе долетела до работы.

* * *

— Ишь ты чего, в магазинчик. — Мотя от души швырнула тряпку в ведро с теплой мыльной водой и, не выжимая, тут же принялась тереть ею полы. — И этот туда же, нахал, на шею мою...

Сколько бы Мотя ни скрипела, Галчонка она любила странной и яростной любовью. Эту улыбку его дурацкую, эти красные узловатые ладони, мутные глаза... Что бы она без него делала? На сиделку ей денег не хватит, даже если она в рабство себя продаст — ну кому нужна такая старушенция? Расплывшаяся, как квашня, третий год хромает на правую ногу, впору палку покупать, да и ступни распухли, налились отеком, ни одни ботинки не лезут, ходит в унтах каких-то несурзных, детских... А про спину и говорить нечего. Повозит шваброй по полу — и к вечеру лежит без сил, спорит с бессловесным Иванычем, кому из них тяжелее.

— Сволочь ты, — признается сквозь слезы. — Всю жизнь я тебя... А ты бах — и лежачий! А обо мне кто позаботится?! До смерти работать буду и подохну с тряпкой в руках... А ты развалился и отдыхаешь, устал, бедный! Лучше бы я вместо тебя, а ты бы кормил меня, баюкал, говно за мной подтирал.

Иваныч печально, будто признавая за собой вину, вздыхал, а Мотя умолкала только глубокой ночью.

В колледже стояла тишина, и Моте надо было успеть вымыть коридор до перемены. Родное ее ГПТУ: тут и Мотя училась, и Иваныч профессию получал, и даже... А вот об этом думать не стоило, и так настроение ни к черту. Мотя хлестнула тряпкой безвинные полы и схватилась за швабру.

Коридоры с тех пор почти не изменились: да, чуть подновили масляную бело-голубую краску на стенах, купили новые цветочные горшки, развесили кричащие ламинированные плакаты. А вот паркет все тот же, сыплется брусочками, и окна деревянные, щелястые, и пахнет теми же булочками и чаем крепким... Не успела. Звонком рванул с такой силой, что Мотя вздрогнула и чуть не выронила швабру из рук. Быстро попятилась: грязь туда, пыль сюда, махать тряпкой изо всех сил, до стены-то совсем немного...

Ринулись из кабинетов, заорали, обдали Мотю несвежим матерком. Маски, маски: черные и белые, медицинские и тканевые, как в намордниках, ей-богу. Мотя из принципа масок не носила.

Река студентов не заканчивалась. Прижали Мотю к стене, шумные и неугомонные, забухали тяжелыми ботинками по вымытому полу, и она заскрипела зубами от злости. Выставила древко швабры перед собой, словно копье, взмахнула им и крикнула во всю мочь легких:

— ЗАШИБУ! Куда по помьтому?!

— Угомонись, бабуля, — весело посоветовала ей веснушчатая девушка. — Еще раз протрешь.

Умчались вихрем, Мотя и ответить не успела. Помянулись из аудитории самые медлительные, самые вежливые: шли они почти по плинтусу, крались на

носочках, втягивая голову в плечи. Мотя порой думала, что таких в каблук и не осталось почти. Просверлила их на всякий случай взглядом, отвернулась.

Вот он. Вышел, застегивая на ходу сумку, скользнул по Моте равнодушным взглядом, а она замерла с этой шваброй дурацкой в руках, и ни сдвинуться не может, ни прикрикнуть на него. Обогнул мыльную лужу по дуге и ушел, скрылась из виду худая спина.

Мотя присела на лавочку и подолом юбки промокнула вспотевший лоб.

Бывает же такое.

Она не знала, как зовут этого нескладного длинного паренька, не знала, на кого он учится, даже голос его ни разу не слышала — но это и к лучшему. Глянешь на него, выходящего из золотисто-розовой, подсвеченной утренним светом аудитории, и все внутри обмирает. Копия, ну копия же!

Моте порой казалось, что сын и вправду живой. Не было бесконечных его детских простуд и госпитализаций, не было налитых слезами глаз, ночей бессонных, когда она через каждые пять минут вскакивала с кровати и бежала щупать его лоб. Не было страхов, что он, хиленький и чахлый, всю жизнь будет мучиться со здоровьем. Не было Иваныча, что подбрасывал сына к потолку и обнимал так крепко, что косточки хрустели, а Мотя вилась вокруг них встревоженной пичугой.

Не было армии этой, не было петли. И гроба, кривенького и дешевого, тоже не было.

Мотя встряхнулась. Полюбовалась соколиком своим? Помечтала? Ну и хватит на сегодня. Надо еще кабинет помыть, он пустой будет до следующей пары, а потом чистой водой пройти по коридору, убрать следы их черные, жирные, словно нефтяные, и воспоминания о пареньке том, что так похож на ее Виталку...

— А приду, и памперсы менять, — бурчала Мотя, заползая под низенькие парты и стучаясь о столешницы горбатой спиной. Возила тряпкой, чувствуя, как с носа срываются капельки пота. — Вот скотина, и этот меня предал, лежит себе барином, сколько ж это, господи, продолжаться-то будет...

Заметив очередное пятно, Мотя накинулась на него почти с радостью: подскочила, рухнула на колени и растерла тряпкой так, что даже засохшая краска стыдливо смылась без малейшего следа. Терла и терла с такой силой, что тяжело заныли руки, и бурчала, бурчала себе под нос.

Это только первая аудитория на ее бесконечном пути, и толку от этой работы все равно ноль — к завтрашнему утру такая же грязь будет.

Да и черт с ними со всеми.

* * *

Домой Мотя приползла на негнувшихся ногах и с трудом вскарабкалась по лестнице, от которой откалывались бетонные глыбы с торчащими ржавыми железзяками. Еле подавила в себе желание пнуть оче-

редного алкаша, беззаботно дремлющего у подоконника. Это не их, пришлый какой-то, не хватило бедняжке сил даже из подъезда выйти.

— Лежит, — фыркнула Мотя себе под нос. — Еще один отдыхающий.

С общей кухни несло тушеной капустой — запах этот, казалось, пропитал Мотю насквозь. Ничего они не готовят, кроме капусты этой. Хоть бы супчик отварили, хоть бы картошечки рассыпчатой, нет, капуста. Промыгнув мимо своей комнаты, Мотя заглянула на кухню. Спрятала пакет с продуктами в угол, достала лук с морковкой, картошку, пачку перловки...

За столом кроссворды разгадывал пожилой Федор Эф, как его прозвали обитатели общаги, — очень уж важным был этот Федор Федорович, настоящий интеллигент. Порой Моте казалось, что он немой, так редко она слышала его разговоры, только вот немногословный Федор Эф никогда не оставался в стороне: то у подоконника отирается, то возле душевой записывает что-то в блокнот, то sudoku на кухне разгадывает.

Полнотелая Гульнара в бело-голубой маске варила магазинные пельмени. Плита, густо покрытая старым жиром, постанывала.

И никакой капусты.

— Всем доброго дня, — буркнула Мотя таким тоном, что даже плита примолкла. Гульнара скупо кивнула в ответ, Федор Эф глянул на Мотю из-за очков и зашуршал ручкой по газете.

...Здоровенную кастрюлю супа Мотя оставила на кухне — в их маленький холодильник та попросту не влезла бы. Мотя прекрасно знала, что в следующий ее приход кастрюля окажется наполовину пустой: эти ханурики выхлебают ее потихоньку, дармоеды.

Мотя бурчала, но чувствовала на себе ответственность за всех вокруг. А чего им есть-то еще, болезным? В холодильнике пушистой плесенью зарастала корка хлеба, кисло чужое молоко и лежал пакет с пророщенной картошкой. Иногда появлялась кастрюлька с манкой или пара тарелок несоленой гречки, но это редкость.

Пустота. Сплошная пустота.

Галчонок дремал в кресле, держась за пульт от безжизненного телевизора, а Иваныч посапывал на краю дивана. «Ну какая идиллия», — подумала Мотя и, поставив тарелки с супом на узкую тумбочку, от души хлопнула дверью.

— Доброе утро! — гаркнула она и ушла обратно на кухню.

Третья тарелка зябко дрожала в руках — силы ни к черту, надо давление померить и таблеток выпить. Больше всего на свете хотелось рухнуть на мягкий диван и проспать несколько суток кряду. Но нет — надо еще Иваныча помыть, надо прибраться в комнате, а то хламом все заросло, не расчистишь.

Пристыженный Галчонок вился вокруг старика — а то как же, застукали его спящим на посту, надо исправляться. Иваныч отмахивался от Галчонка

тощими руками и недовольно мычал. Мотя поставила тарелку, убрала пакет с продуктами в шкаф и командовала:

— Обед. Да отстань ты от него, не видишь, что ли...

Ели в молчании. Галчонок торопливо хлебал пустой суп и закусывал серым хлебом, Мотя кормила Иваныча с ложки. В горле першило, Мотя то и дело прочищала его, сглатывая острый комок.

— Не буянил? — спросила она, устав от тишины.

— Да нет. — Галчонок шумно высосал бульон. — Ругался только. В милицию меня сдать грозился, чтоб расстреляли.

— Да это разве буянил, — поморщилась Мотя и принялась. — Ты что, гад, опять в комнате куришь?!

— Побойтесь бога, Матильда Степановна. — Он съезжился в размерах. — Я одну только, ну хочется прям до жопы, а Григория Ивановича я же не оставлю...

— Ирод! — Мотя так захлопнула челюсти Иванычу, что щелкнули зубы. — Вот скотина-то, а? Прочишь его, просишь, кормишь! И туда же!

— Мати...

— Убирайся вон! — ожил вдруг Иваныч, захрипел, задергался. Мотя спокойно вытерла ему рот полотенчиком и поддакнула:

— Первая светлая мысль за долгие годы. Уйди с глаз долой, сил нет. Воняет куревом, всю мебель уже продымил, паскудник.

— Но я...

— Топай! — приказала Мотя и воинственно сползла с дивана.

Галчонок тут же оказался у дверей. Замаялся, потер шею и улыбнулся, широко и искренне, подетски.

— Простите, Матильда Степановна. А вы в магазине...

— Нет чтоб просто старикам помог, алкота проклятая! — Мотя, маленькая и полнотелая, наступала на нескладного Галчонка, и он вжимался в дверной косяк. — Всё тебе нажраться бы, нажраться!

— Да я так, — зарделся Галчонок, — смазать бы.

Мотя полезла в пакет, достала дешевую прозрачную бутылку. Сунула Галчонку в руки:

— Слышал, от паленки уже тридцать человек области померло. А ты и дальше бухаешь.

— Ну так вы же не паленку, да?.. Не паленку? — насторожившись, переспросил он. Мотя махнула на него рукой:

— Да какая паленка, у Нади взяла, в «Трех лилиях».

Галчонок посерел.

— Правда, что ль?

— Кривда! Не пучь ты глаза, в магазине нормальном купила, в магазине! Припугнуть уже нельзя. Иди. Но еще раз закуришь тут...

— Понял, Матильда Степановна! Спасибо!

И, лучась, он выскочил в коридор.

Мотя запоздало вспомнила, что хотела попросить его искупать Иваныча в душевой. Черт бы с ним, пусть катится — он через полчаса сможет только

улыбаться и, приклеившись к стене, бродить из одного конца коридора в другой.

Суп остыл, Мотя похлебала его без удовольствия. Иваннычу опять ударило в голову:

— Вызови милицию, — просил он ломким голосом.

— Зачем? — Мотя выловила черную горошинку перца и положила на край тарелки.

— Вызови. Как можно...

— Чего случилось-то?

— Хватит тебе... мучить. Бьешь. Места живого нет. Ноги сломала... Встать не могу.

— Ишь, говорливый, как попугай. — Мотя сгребла грязные тарелки, сунула в раковину. — Где ж сломанные ноги у тебя? Лежишь, потому что старый и слабый, и всё. Какая милиция... тьфу, полиция? Уже и я с тобой заговариваюсь.

— Вызови. Пусть заберут тебя. В Круторожино.

— Куда-а? — расхохоталась Мотя, отскребая желтоватый жир с тарелок.

— Круторожино. — Иванныч повернулся и уставился на нее немигающими глазами.

— Любимую жену, которая утки за тобой выносит, и в психушку. Совсем ты, старый... Обидно вообще-то. Будешь так говорить, я тебя сама в дом престарелых сдам. И отдохну.

— Помогите! — тонко выкрикнул Иванныч, поняв, что милицию ему никто не вызовет.

— Не ори. Хоть бы раз спасибо сказал, а то мучаешь и бьешь.

— Убивают! — еще тоньше пискнул Иванныч.

Матильда вытерла лицо кухонным полотенчиком и прошаркала к нему:

— Не ори, сказала, соседи устали твои вопли слушать. Убьешь такого, как же.

— Не тронь! Ребра сломаны. Дышать не могу.

— Я же пять минут назад ноги тебе ломала, нет?

Он глянул на нее растерянно и злобно. Мотя махнула:

— Хватит верещать. Сейчас мыться будем.

— Убива-а-ют!

— Вот идиотина! — Мотя покачала головой и пошла за чашкой с тряпками. Нальет тепленькой, оботрет Иванныча с ног до головы, намажет кремом от пролежней, и все будет хорошо.

Хо-ро-шо.

* * *

Всю ночь Матильда кашляла и шупала Иванныча трясущейся рукой — ей казалось, что от него исходит сухой жар, как от деревенской печки. Под утро голова стала чугунной и гудящей, и Мотя, потонув в кошмарах, принялась тихонько подвывать.

— Матильда Степановна! — гаркнул в отваливающуюся розетку Галчонок. — Нормально все у вас?

Они иногда общались так, через стенку, когда лень было ползти в соседнюю комнату. Моте со сна показалось, что Галчонок стоит у нее над ухом.

— Уйди... — взмолилась она и опять закашлялась.

Он не услышал.

— Матильда Степановна!

— Отстань! — рывкнула Мотя и снова провалилась в сон.

Утром, выпив несколько таблеток парацетамола, Мотя позвонила в колледж и рассказала о своей болезни. Директриса долго молчала, а потом вздохнула с упреком:

— А кто же теперь полы будет мыть, а?

Мотя хотела сказать, что глубоко сожалеет о своей бессовестности. Что колледж, конечно, никак не может работать, пока в аудитории грязные полы. Что такое важное и ответственное дело никому больше не доверить.

Но вместо этого она сонно промямлила:

— Ну, как-то так.

— Понятно все с вами.

Мотя с четвертого раза дозвонилась в поликлинику и вызвала врача. Присела на диван, зажмурилась. Иванныч залепил пяткой ей по спине и взмолился:

— Вызови милицию.

— А, и ты туда же! — скривилась она и ушла в коридор.

Послonyaлась от двери к двери, заглянула в дребезжащий холодильник — кастрюля из-под супа стояла грязной и пустой. Хоть бы помыли, сволочи. Отскребла присохшие перышки моркови со стенок, вымыла плиту, которой это было что мертвому припарка, протерла стол и подоконники. Голова наливалась свинцом.

Федор Эф горбился в коридоре и, подтянув книжку к глазам, читал с непроницаемым выражением лица. Мотя по привычке поздоровалась с ним, он по привычке не удостоил ее ответом.

Постучалась в комнату к Даше — вот уж кто всегда дома. Невесомо побарабанила по двери — тишина. Постучала сильнее, и тут же раздался обиженный Юлькин рев. Мотя поморщилась. Вот образина, разбудила ребенка. Выглянувшая Даша показалась незнакомкой: бело-серые впалые щеки, всклокоченные волосы и мятый халат. Она придержала дверь, покачивая мелкую Юльку, и Мотя виновато улыбнулась им:

— Разбудила, да?

— Нормально. — Даша мотала ребенка из стороны в сторону. — Надо чего или так, поболтать?

— Надо. — Мотя нахмурила брови. — Это... соль.

— Соль? — удивленно перепросила Даша и поморщилась: — Ш-ш! А ну хорош орать.

Юлька в ответ заверещала еще громче.

— Соль, ну, — Мотя кивнула на всякий случай. — У меня кончилась, вот и...

— А на кухне?

— И на кухне кончилась. Ты дашь мне соль или будешь допросы устраивать?!

— Дам, конечно. Заходи.

Даша с мужем и тремя детьми жила в угловой комнате, и холод у них стоял собачий. Закутанная в кофточку и теплый пуловер Юлька теперь хныкала с раскладушки. Даша сунула младшенькой пустышку в губы и полезла в верхний шкаф. Мотя же с трудом примостилась в углу комнаты — свободного места вокруг не осталось. Диван, раскладушка, двухъярусная кровать для мелких, здоровенный холодильник, за который Даша до сих пор не могла выплатить кредит, разборный столик, шкафы... Под потолком — бельевые веревки с мокрыми ползунками, напоминающими новогодние гирлянды, подоконник завален учебниками и пачками макарон. В раковине киснет посуда.

Старшей Дашиной дочки, Варвары, дома не было — на уроках, наверное. Средний Ильяс, отцова гордость, по обыкновению пропал на улице.

Мотя склонилась к Юльке:

— Ну, и чего горлопанить?

Юлька испуганно округлила глаза и захныкала потише.

— Достала нить, — поморщилась Даша. — Живот у нее.

— Укропной водичкой поила?

— Чем? — Даша забралась с ногами на диван и оглянулась. Из шкафа за ее плечом посыпались приправы, тонкой струйкой потек сухой рис. Даша устало выругалась и затолкнула рис поглубже.

— Укроп кипятком запариваешь и поишь мелкую. Третий ребенок, а ты и не знаешь! Я принесу сейчас, у меня был где-то.

Даша кивнула и насыпала немного соли в баночку из-под таблеток, потрясла, спросила:

— Хватит?

— Хватит. Спасибо тебе.

— Да было б за что. А чего не на работе?

— Да простыла. — Мотя махнула рукой и снова склонилась над Юлькой. Не заметила, как вытянулось Дашино лицо. — Азамат у тебя не пьет?

— Нет, — холодный мертвый голос.

— Это хорошо. Зато Галчонок опять забухал, бутылку ему принесла вчера, и все — не слышно даже.

— Моть, — позвала Даша. — Это же простуда, да?

Мотя подняла глаза:

— Простуда, конечно, чего ты? Как на чумную...

Нормально все.

— А кашель?

— Ну, б́ухаю немного.

Даша не шевелилась. Рука ее судорожно дернулась к Юльке и тут же опала. Мотя поморщилась:

— Ну чего ты, а? Нормально все со мной.

— Хорошо, — хрипло ответила Даша. — Выздоровливай. Если надо будет таблеток принести, только скажи.

Мотя прекрасно знала Дашину мягкотелость и что у нее не хватит сил, чтобы выдворить Мотю вон. Так и будет она стоять в молчании, губы сжимать и

вздыхать украдкой. Дашин лоб побелел, подбородок задрожал. Мотя распрямилась, шагнула к двери.

— Ладно, пойду. За укропом. И это... — она вытащила из халата несколько купюр и сунула их под пустую тарелку. — Юльке. На мороженое.

Дверь за ее спиной захлопнулась с такой силой, что Мотя вздрогнула. Покачала головой:

— Дурная баба... Успокоились уже с истериками и пандемией этой сраной, а ей только дай волю поволноваться.

Прошаркала за укропом, проверила Иваныча. Он лежал в переполненном подгузнике и беззаботно посапывал, раскинув руки-веточки в стороны. Она остановилась, пригляделась к нему: совсем высох. Торчат мослы, лоб высокий и лысый, глаза ввалились, будто не кормит Мотя его совсем. А она и мясо старается, и минтай, и котлетки из курицы... Тает Иваныч, ничего и не осталось почти.

Мотя чихнула, вжала голову в плечи. Не проснулась.

Подошла к нему, поправила бледную простынку и укутала худые ноги, все в мурашках. Иваныч выглядел удивительно спокойным, и казалось, что на бледных губах его проступила улыбка.

— Спи, — шепнула едва слышно.

Понесла Даше укроп. Федор Эф сидел на подоконнике и задумчиво поглядывал в окно. Правая нога у старика не сгибалась, и он, морщась, разминал мышцу рукой.

Мотя постучала. Нет ответа.

— Опять Юльку разбужу, и орать будет, — поморщившись, Мотя стукнула громче, позвала: — Даш, укроп!

Тишина.

Мотя постучала громче.

— Дашка! — рявкнула, обозлившись. — Забери укроп своей!

Зарыдала Юлька. Если Юлька плачет — значит, и Даша с ней, она дочь без присмотра не оставит. Непутевые они, это уж точно: и сынок бедовый, и муж в запой уходит, и сама Дашка рождает кошкой, ну куда им в такую тесноту столько детей, а заботливая все равно, добродушная... Пока Юльки не было, она даже Моте с Иванычем помогала. Хорошая Даша, хорошая.

Но очень уж пугливая.

— Ну и к черту вас! — крикнула Мотя, чтобы весь коридор услышал. Федор Эф вздохнул на подоконнике. — Не хочешь, и не надо! Зря только ползла сюда.

Бросив пачку укропа под дверь, Мотя гордо удалилась.

Уже из коридора она услышала, как кашляет Иваныч.

И поежилась, словно от сквозняка.

* * *

— Девять часов и тридцать две минуты! — заорала заспанная Мотя, распахивая дверь. Пошатнулась,

вцепилась в ободренный косяк. — Подохнешь семь раз, пока вас дождешься!

На фельдшера «скорой помощи» ее вопли не произвели никакого впечатления. Пожав плечами, та спросила:

— Нам уехать?

— Да уж нет, заходите! К деду, вон он лежит, бедолага...

— Матильда Степановна! — крикнул в розетку Галчонок. — Помощь нужна?

— Да иди ты к дьяволу! — Она рухнула на стул. — И этот, алкаш, туда же.

Медики включили свет, придвинули табуретку к дивану, к Иванычу. Посмотрели на него, сморщенного и съездившегося, сверху вниз. Помолчали.

— Чего ждем? — хмуро осведомилась Мотя, растирая глаза. Ей казалось, что мир качается из стороны в сторону.

— Какие жалобы? — невозмутимо спросила фельдшер. Белый комбинезон чуть шуршал от каждого ее движения, из-за пластиковой маски были видны лишь глаза с густо накрашенными ресницами. Иваныч слабо кхекнул и зажмурился. Мотя принялась загибать пальцы:

— Кашляет. Температурит. Стонет весь день. Врачиху вызывала, только дождешься корову эту? Вот и вам позвонила. Девять часов и тридцать...

— Не выражайтесь, — перебила фельдшер. — Дедуля, слышим меня?

Иваныч не ответил.

— Иваныч! — гаркнула Мотя так, что он вздрогнул и распахнул полупрозрачные веки. — Чего ты пугаешь?!

Он застонал едва слышно.

— Понятно, — вздохнула фельдшер и повернулась к напарнице. — Я пишу, ты делаешь. Кардио, температура, сахар. Сатурацию проверь. Болезни хронические, аллергии есть?

Мотя хмыкнула:

— Да у кого ж их теперь нет?

Гудел прибор, снимая кардиограмму. Иваныч в одном бледном подгузнике лежал с выгнутой спиной и хрипел. Приклеенные на его впалую грудь датчики казались елочными игрушками. Мотя, скрючившись, пила кипяток и кашляла.

— Вы тоже болеете? — спросила фельдшер с документами.

— Ну. Я эту заразу сюда и притащила.

— Тридцать восемь и три, — сказала другая.

Мотя вздрогнула.

— А я ему и парацетамол, и спиртом уже обтирала...

— Сейчас укол сделаем. Сахар в норме, сатурация девяносто пять, терпимо.

На пороге возник растрепанный, сонный Галчонок, зевнул, привалившись к косяку.

— Ну, как Иваныч?

— Скройся с глаз, — попросила Мотя.

— Да я про... проспиртованный, — возмутился Галчонок, который только к утру вернулся от очередного собутыльника.

— Мужчина, — поморщилась фельдшер, разбежались лучики морщинок. — Возвращайтесь к себе, это не шуточки.

— Да я...

— Уйди! — не выдержала Мотя.

Хлопнула дверь.

— Значит, так, — минут через десять сказала фельдшер и сдвинула пустые ампулы в сторону. — Очень похоже на ковид, но в больницу мы его не повезем.

— Это почему еще? — подбоченилась Мотя.

— Потому что обратно не придет уже. Пока сатурация нормальная, пусть дома лежит, лечится. Уколы мы сделали, с восьми утра дозванивайтесь в больницу и требуйте врача. Возьмут тест, выпишут лекарства, будете лечиться здесь. Если задыхаться начнет или сознание терять — звоните, тогда и увезем. КТ сделаем, проверим. А пока не будем рисковать. Старый он у вас, да и кто там за ним, лежачим, ухаживать будет...

И тут Мотя поняла, что у нее кончились силы. Кивнула, прикрыла глаза от яркого света. Фельдшер пригляделась к ее влажному лицу:

— Вам хоть есть кому приезжать, продукты привозить, лекарства?

Мотя еще раз кивнула. Есть, конечно. Галчонок.

— Ладно. Тогда следите за дедом, из дома ни ногой. И звоните почаще в больницу, новая волна, коек не хватает... Не лучшее время выбрали, чтобы болеть.

Мотя с трудом закрыла за ними дверь. Иваныч дышал полегче, но все равно распахивал рот, будто ему не хватало воздуха. Раскинулся, зараза, на весь диван, и не ляжешь... Она тихонько устроилась у него под боком, свернулась калачиком, баюкая острую головную боль.

Так и уснули.

* * *

У Моти не было сил даже слезть с дивана. Иваныч стучал рукой ей по голове, механически, словно заведенный. Бам-бам, бам-бам...

— Ну чего тебе надо? — простонала она, не открывая глаз.

— Милицию... вызови...

— А милиция уже здесь.

Мотя распахнула веки и поморщилась от солнца — казалось, что глаза вот-вот выдавит из черепа. Ткнулась носом обратно в подушку, поерзала, разминая затекшее тело.

— Матильда Степановна, вы как?

Галчонок. Стоит, как самовар начищенный, улыбается. Мотя рывкнула бы на него по старинке, но сил не было. Простонала невнятно, но ничего от нее, кроме бесконечной боли, не осталось. Закашлялась, сплюнула в полотенце.

— У продукты принес, — ласково сказал Галчонок.

— Спасибо. Деньги там... возьми.

— Да ладно, это потом всё. — Он присел на диван, скрипнули пружины. — Может, воды? Или чай? Таблетки какие-нибудь.

— Деньги-то у тебя откуда? — Она говорила словно из-под воды.

— Где взял, там уже нет. Апельсины купил, картошку. Потом макароны вам сварю. И кефир еще есть.

— Вечером таблетки привезут, — каждое слово давалось с трудом. — Бесплатные. Забери.

— Понял. Не болейте.

— Бессмертный. Иди уже...

— Сейчас, только Иванычу памперсы поменяю, а то пахнет.

Мотя готова была Галчонка расцеловать, но ради этого следовало хотя бы подняться с кровати.

— Я сама... и макароны тоже. Иди.

Галчонок робко потрел ее по плечу. Мотя едва заметно улыбнулась.

К ночи она немного отошла: помогли таблетки, которые волонтеры принесли в их полуразрушенную общагу.

Поднялась, раскачиваясь и студенисто дрожа, согнулась в три погибели. Подставила руки под спасительный сквозняк из окон. Глаза болели, носоглотка горела огнем, в пазухах давило, но Матильде некогда было лежать. Надо приготовить суп на завтра, поменять постельное белье, простирнуть простынки... Подгузники, опять же.

— Зачем она так со мной? — Иваныч едва сипел. Мотя, доставая картошку из нового пакета, сощурилась:

— Кто?

— Она. Все деньги... золото.

— Украла, что ли?

— Все унесла. Почему она...

— Да кто она-то? Я?

— Она.

— Ясно, кукуха снова не с нами. — Мотя налила в чашку воды, ополоснула горящее лицо. Забулькала воздухом. — Никто у тебя ничего не уносил. Не воровал. Ясно?

— Я ей всё... А она так.

— Опять бабы у него пошли, — вздохнула Мотя и, взяв ножик с обломанной ручкой, принялась чистить картошку.

Иваныч замолчал. Задремал, наверное. Сухой кашель прорывался хрипом, Иваныч вертелся, приподнимал тонкие руки и вздыхал. Мотя слушала ночную тишину и всплески картофельных кубиков.

Очнулся опять, закричал. Она проверила памперс, протерла ему лоб, размяла ноги.

— Умираю, — сказал он.

— Да уж дождусь я, — фыркнула Мотя. — Дальше обещаний не заходишь.

— Умираю, — не слушал он. Долгий приступ кашля заглушил его бормотание.

— Наконец-то, хоть отдохну от тебя. Ты б знал, как эти горшки, пеленки надоели, лежишь колодой, спать не даешь.

— Мотя... умру... сегодня.

— Давай хотя бы завтра, — поморщилась она. — На большую голову с похоронщиками договариваться себе дороже.

Остаток ночи он стонал и кашлял. Снова поднялась температура: Мотя поила его таблетками, обтирала тряпочкой с теплой водой, потому что водка закончилась. Мья скрюченные руки, шупала выпирающие кости и прилипшую к ним кожу. Поила картофельным бульоном.

Она тоже не спала. Только закрывает глаза, он стонет. Трое подгузников уделал за одну ночь — ну где это видано? Она только успевала менять. Поставила стирку, протерла книжные полочки над головой. Руки тряслись, воздуха не хватало.

Мотя бурчала и мыла полы.

— Ненавижу тебя, — брякнул Иваныч. Мотя выглянула из-за дивана.

— Это с чего еще вдруг?

— Ненавижу.

— Я поняла. Но почему?

— Вся кровь мне... выпила. Уполз бы от тебя. Не могу.

— Здравствуйте, приехали. — Мотя угрожающе придвинулась к Иванычу. — Совсем, старый, того?

— Тварь.

— Я тебе сейчас рот с мылом вымою. Я супчики, памперсы, я ему...

— Ненавижу.

И, отвернувшись, Мотя беззвучно расплакалась.

* * *

— Матильда Степановна, ну чего вы...

— На! — Она выставила за порог алюминиевое ведро, пахучее и мерзкое, и тут же захлопнула дверь. — Спасибо, Галчонок, но тебе сюда нельзя.

— Так я сколько заходил уже? И не заболел.

— Ты будешь спорить со старой и больной женщиной?

Он подумал.

— Не буду.

— Вот и умничка. Топаи.

Вымытый Иваныч лежал в свежем подгузнике и кашлял. Он теперь мало говорил и все больше сипел, выпучив глаза, будто силился глубоко вдохнуть. Губы его синели. Мотя гоняла «скорую» туда-сюда: они мерили сатурацию и доказывали, что пока не смертельно. Вкалывали что-то, советовали вызывать врача. Врачиха бормотала в трубку:

— Я вам все выписала.

— Он задыхается! — зверем редела Мотя.

— Все задыхаются, — меланхолично отвечала она. — Ковид. Радуйтесь, что без кислорода лежит. И не в «красной зоне».